

Падают мысли, падают листья
Желтым осенним грустным дождем.
Мы не приходим, мы не уходим, мы ничего не ждем.
Кружатся люди, кружатся лица,
В вихре сомнений болит голова,
Правы, неправы, имели право — сила всегда права.
Верят чужие, верят родные,
В страшную сказку ночью поверь.
Мы так решили. Мы заслужили. Мы — приоткрыли дверь.
Кровь проливали. Жизнь отдавали.
Ноги до кости сбивали в пути.
Право и слава. Крест и отравы. Мы — не смогли уйти.

1684 год

Бунт — это всегда неприятно. А если в детских воспоминаниях у тебя числится Фронда — вдвойне противнее. Так что Людовик метался по дворцу, как дикий зверь.

— Твари! Сволочи!

Справедливости ради, христианнейший «король-солнце» употреблял и другие слова, но историки их не сохранили. А зря — фольклор бы сильно обогатился.

— Ваше величество, Ла-Рошель, Ним, Монтобан, Кастр, Юнеза...

В Лувуа полетела чернильница, но канцлер уклонился со сноровкой опытного придворного.

— Пошел вон, ... и ...!

Лувуа послушно вылетел за дверь. Когда король в таком настроении — тут не титулов и земель, головы лишиться можно. И, в общем-то, за дело.

При поддержке Англии (Монмут, сволочь) и Нидерландов (добьют когда-нибудь этого потомка Вилли Оранского от неизвестной шлюхи или нет?!) французские гугеноты встали на дыбы.

Народ это был крепкий, основательный и обиду спускать не склонный. Если бы выбора не было — они бы, конечно, сдались и уехали куда-нибудь, но тут нашла коса на камень.

Просто так с государством бороться нельзя. С государственной машиной должно бороться государство. А в данном случае их вступило в борьбу аж три штуки.

Нидерланды и Англия — даже демонстративно, им Людовик был, что та кость — поперек всего пищеварительного тракта. Дания помогала потихоньку, не светясь, но и не сильно скрываясь. Примерно так же вела себя Испания. Конечно, католицизм там был в приоритете (чтобы не сказать — в авторитете) и Святая Инквизиция немножко не одобряла королевскую инициативу, но дон Хуан — это вам не Карлос, с ним поспорить не удавалось.

Да и вообще — грабить братьев-католиков не комильфо, а французы так гадили испанцам в колониях, что, ей-ей, все христианские чувства испарялись.

Русь?

Ну, про Русь вообще никто не думал. Но Софья денег не жалела. На хорошее-то дело?! На беспорядки у врага?! Тут сколько хочешь отвалишь, лишь бы подольше и побольше!

Тем более что под шумок продолжался отгрыз (а иначе и не скажешь) колоний от Англии. Русь уже ухватила себе Барбадос и всю там обустроивалась. Корабли испанские, солдаты — казаки, пушки — русские, кому не нравится — удавитесь. Сочетание просто убийственное. Но лучшее оружие и лучшие солдаты гарантировали безопасность земель. А корабли...

Пока у Софьи их было мало. Хватало на торговлю в Архангельске, на патрулирование Финского залива и на Крым.

Строились еще, конечно, строились. Но мало же построить как следует! Надо собрать команду, обучить, экипировать — много чего надо.

Так что деньги вкладывались во флот чуть ли не пятой частью всего бюджета, ну а параллельно финансировались такие хорошие вещи, как бунты и восстания у соседей. Пусть разгребаются у себя и не лезут в чужие дела.

Людовик пока был не в курсе русского участия, но ему и так хватало. Все города, в которых был избыток гугенотов, полыхнули пучком соломы.

Варфоломеевская ночь?!

Да гугеноты за нее с лихвой расплатились только за последний месяц! Католиков сбрасывали со стен, вздевали на вилы, жгли живьем и продельвали еще кучу неаппетитных вещей, которые мог подсказать только воспаленный разум истинного фанатика. И Людовик ничего не мог сделать! Вообще ничего! Только брать каждый город и усмирять. Но...

Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. Кто-то приписывал эту фразу Людовику Двенадцатому, кто-то маршалу Тривульцио, но менее правдивой она от этого не становилась. А вот деньги...

Кольбер мирно почил в своем имении, а где их взять — не сказал. А Лувуа — сволочь, сволочь, сволочь...

Гнев опять взбурлил в крови Людовика.

«Сир, гугенотов осталось мало, все, кто хотел, — стали католиками, вы примете великое решение, за которое вас будут благословлять потомки...»

Г-р-р-р!

— Сир, вы печальны.

Маркиза де Ментенон появилась из-за портьеры. После того как из кабинета вылетел Лувуа, она решила подождать немного и попытать удачи.

Людовик ответил ей взглядом тигра-людоеда, которого повели к зубодеру, но маркизу это не испугало. Как управлять венценосным любовником, она знала. Не учла лишь одного — в какой-то момент любой мужчина становится неуправляемым. И у Людовика этот момент был связан именно с бунтом.

Фронда...

Детские страхи, наложенные на взрослую ярость, — смесь взрывоопасная.

— Могу ли я чем-либо помочь вам, сир?

— Поди прочь! — рыкнул Людовик.

Не помогло. Маркиза, наоборот, прошла внутрь и остановилась совсем рядом с венценосным

любовником. Положила ему руку на плечо, вздохнула.

— Сир, это временные трудности. Но подумайте, сколько человек будут счастливы вашим решением? Это богоугодное дело, которое, без сомнения...

— Счастливы?! — вепрем заревел Людовик. — Все будут довольны?! Богоугодное дело?! У меня страна полыхает, а ты...

Маркизе бы промолчать, уйти, скрыться с королевских глаз долой, но...

— Вы же понимаете, что ни одно великое решение не обходится без потрясений. Но народ будет благословлять вас...

А вот этого ей говорить и не стоило. Людовик еще от Лувуа не остыл.

— Маркиза, — вроде бы тихий голос короля заставил мадам де Ментенон съежиться, — я нахожу, что пребывание при дворе плохо влияет на ваш рассудок. А потому — чтобы через час вы уже сидели в карете и та неслась во весь опор к крепости Ниор. Вам все понятно?

Франсуаза задрожала как осиновый лист. Этого короля она еще не знала. Галантный с женщинами, Людовик старался не показывать им свою темную сторону. А она была, еще как была...

— Сир...

— ...и ...и немедленно!!! — взревел его величество.

Мадам Скаррон опрометью вылетела из кабинета. И, кстати, уложились в час. Жить захочешь — еще не так уложишься.

Остаться навсегда в крепости она не планировала, но судьба в лице Великолепной Анжелики решила иначе.

Маркиза де Фонтанж не была особенно умна. Но с мужчинами обращаться умела на уровне инстинкта, а потому, пока Людовик бушевал, она пряталась по углам, не рискуя получить трепку. Она вышла, когда его ве-

личество успокоился, — и стала активно интриговать против мадам де Ментенон. Взяла к себе детей Атенасис де Монтеспан, которые сильно порадовались смене строгости на свободный дворцовый режим, окружила любовника заботой — и Людовик решил, что не так уж ему и нужна Франсуаза.

Нет, он ее, может, и вернет, но потом, потом...

Франсуаза сидела в крепости Ниор, Анжелика блистала при дворе, а время шло...

* * *

— Соня, да он страшный! И дурак к тому же!

Боярыня Морозова даже не подняла глаза на сестру, которая расхаживала по комнате.

— Феся, милая, а где ты среди королей красавцев видела? Все они страшные, потому что столетиями на кузинах женились.

— И дурак, сама же говорила!

— Вот видишь, одно достоинство у него уже есть. А то и несколько.

Софья аккуратно поставила перо в поставец, понимая, что покоя ей не видать, и посмотрела на сестру. М-да...

Красавица. Гладкие волосы, черные, как смоль, толстенная коса, малым не до колен, громадные синие глаза, ресницы на полщеки...

Двадцать лет?

Да что вы! Не больше пятнадцати! А то и меньше!

Если б не фигурка, в определенных местах просто рвущая сарафан, Феодосия казалась бы девочкой, настолько молодо выглядела. Мраморная кожа, легкий румянец на щечках... хороша! Слов нет, насколько она хороша!

Софья невольно смягчилась. При всем своем окаянстве, малышку Фесю она любила. Насколько вообще могла.

— Подумай сама, маленькая. Ты — сестра русского государя, абы за кого замуж не выдашь. А тут — наследник великого курфюрста, прусский герцог. Первый раз уже был женат, что с женщинами делать — знает, дурной болезни нет, лекари проверили, зато есть дочь. Проявишь заботу к малышке...

— Малышке!

— Девочке четыре годика, самое время стать ей мамой, — отрезала Софья. — Настоящей, заботливой. Сможешь это сделать — так тебя и ее отец полюбит, уж поверь моему опыту. А там и своих родишь, ты сможешь.

Феодосия возмущенно топнула ножкой.

— Соня, я уезжать не хочу.

— Значит, в монастырь.

— Соня!!!

— Фesia, а как ты хотела? — Софья не издевалась над сестрой, она искренне сочувствовала девушке, но что тут можно изменить? В пределах родной страны жениться могут только цари и царевичи, девчонок тут замуж не выдашь. Она — исключение, и то... до сих пор! Всегда и везде! *Царевна* Софья! Сколь свекровка зубами ни скрипела, а — царевна. — На Руси ты замуж не выйдешь, а тут вполне приличный вариант. Наследник, на пять лет тебя старше, симпатичный, податливый — лепи, что хочешь!

— Да не хочу я!

— А тогда, — жестко отрезала Софья, — тебе следовало родиться в другой семье. Царская кровь накладывает определенные обязательства, ты об этом знала. Всегда знала.

Феодосия хлопнула носом, но сестру не разжалобила.

— Соня...

— Собирайся в дорогу, — устало сказала Софья. — И не дури. Влюбить в себя парня ты сможешь, а остальное... пока он будет развлекаться, ты будешь править.

И людьми, и страной — справишься. Чего ты хочешь? Великих страстей? Они проходят, остается лишь пепел. Любовных утех? А то ты сама не видишь, чем все эти «любови» кончаются.

— У вас-то с Ваней не так!

— У нас не так, потому что мы с детства вместе, — поправила Соня. — А у тебя будет иначе. И не надо бояться. Ты справишься...

Еще полчаса она уговаривала сестру, а когда за Феодосией закрылась дверь, облегченно перевела дух.

Да уж! Знала бы сестренка, какие интриги плелись ради ее брака!

Как пришлось срочно скомпрометировать Софию Шарлотту Ганноверскую, сколько пришлось заплатить внебрачному сыну Людовика и как капали на мозг мальчишке, внушая, что не все ж его братцу! А ты-то чем хуже? Тем, что родился не от той женщины? Но ты же достоин! Не меньше достоин!¹

В итоге герцог Мэн соблазнил Софию Шарлотту, женился и активно делал ей ребенка. Людовик Четырнадцатый, кстати, против не был. Не один сын, так другой, все равно в его казну прибыток. А прусский курфюрст, то есть его наследник, остался без невесты, да еще с оскорблением от Франции. Вот тут-то и подвернулась Феодосия. И Русь роднится еще с Пруссией, а это хорошо, это очень даже неплохо, это большие перспективы в будущем.

Софья здраво оценивала сестру. Конечно, Феодосия поломается, покапризничает, но согласится и поедет. И постепенно заберет себе всю власть в герцогстве, она сможет. Так вот и будем прирастать, то друзьями, то союзниками...

¹ Луи-Огюст де Бурбон, герцог Мэнский, внебрачный сын Людовика Четырнадцатого от мадам де Монтеспан. На два года младше Софии Шарлотты, но по тем временам такие мелочи не учитывались (*прим. авт.*).

* * *

— Да, Имре?

Имре Текели посмотрел на жену. За время их брака красота Илоны не увяла. Впрочем, она была из тех женщин, что и в девяносто будут приковывать к себе внимание. Осанка, тяжелые косы, громадные глаза, правильные черты лица — как есть королева.

Да она и в самом деле королева, просто пока не коронована. Ракоци и Зриньи в Венгрии — это как бы не повыше императорского титула.

— Мне пришло письмо от Леопольда.

— Что ему нужно?

— Вену они отбили, у себя порядок хоть как-то навели, и сейчас он хочет пойти против турок. Мы должны беспрепятственно пропустить его войска через свою территорию, помочь оружием, людьми и вообще — принять участие, как его вассалы.

— Но мы не его вассалы!

— Вот это я и отвечаю. Пусть пишет Михайле. Если король согласится, так мы поможем...

— Но мы же тоже отпишем?

Имре улыбнулся.

— Разумеется, любовь моя.

Родственные отношения с двумя государями давали надежду. Ввязываться в драку с Турцией? Из-за ненавистного Леопольда?!

Да гори он ясным пламенем! Пусть разбирается сам. К тому же сей император всю жизнь действовал по принципу «дайте попить, а то так кушать хочется, что переночевать негде»...

Нет уж. Пусть разбирается сам. А Венгрия будет держать нейтралитет. Пропустит его войска, но пропустит и турок, и поддерживать никого не будет. Надоели! Людям нужна спокойная жизнь, а не война за чужие интересы! Вот!

* * *

— Дорогая супруга, благодарю вас за дочь.

— Мой возлюбленный муж, я счастлива исполнить свой долг перед вашим родом..

От слов за версту тянуло пафосом, но куда деваться? Испания...

Его высочество дон Хуан благодарил свою жену за подаренного ребенка именно так. И за первого, и за второго, и за дочку... Да, за несколько лет Мария родила ему троих детей. Теперь можно и отдохнуть. Сын-наследник, сын — запасной и дочка на закуску. Теперь если рожать, то года через два, чтобы тело успело отдохнуть.

Все-таки беременность, даже если ее легко переношишь, плохо сказывается на организме. Она его изнашивает. И сейчас измученная Мария просто выполняла ритуал. Она знала, что после мужа в комнате окажутся Карлос и его супруга — Мария-Луиза. И та будет смотреть ненавидящими глазами.

Увы...

Дон Хуан в свои года был куда как больше мужчиной, чем его младший брат. Мария знала достоверно, что ни один половой акт с участием Карлоса не был доведен до конца, хотя супруга старалась! Искренне старалась!

А толку? Карлос физически не мог ничего, хоть ему всю «Камасутру» по листику скорми, как цинично выразилась сестрица Соня!

Сделать ребенка от кого-то еще у ее величества возможности тоже не было, разве что Хуан постарался бы, но дражайший супруг и в мыслях не имел наставлять рога нежно любимому и всячески опекаемому братику. Что вы, как можно-с?!

Да и сама Мария позаботилась.

Какой лучший способ от загулов супруга? Да сделай ты так, чтобы у него на других сил не осталось! Не умеешь? Учись! И сама удовольствие получишь, и насчет

мужа спокойна будешь. Скандалы — это не метод, любовью надо, и только любовью! Лаской и нежностью.

Карлос старшую сестру (пусть Мария была примерно его ровесницей, но замужем за старшим братом — значит, старшая сестра) поцеловал в щеку. И подарил гарнитур с рубинами.

Мария поблагодарила вполне искренне.

Она привязалась к этому уродцу. Карлос, несмотря на все его недостатки, то есть дурную кровь, беду с разумом и телом и дворцовое воспитание (только сейчас Мария понимала, что сделала для нее сестра и как уродуют во дворцах тела и души власть имущих), был милым и добрым парнем. Даже скорее мальчиком. Ума-то Бог недодал...

Глуп он не был, но наивен — да! Мария иногда поражалась, какими заковыристыми путями идут мысли в этой несчастной голове.

— Милая сестрица...

Протокольные фразы — и искренняя приязнь в глазах, на которую она и отвечала таким же теплом, заботой, участием. Не жалостью, вот жалости у нее не было, недаром говорят, что дети и животные не обманываются. Карлос чувствовал отношение женщины к себе и в ответ дарил Марии искреннюю симпатию. Дон Хуан видел, как жена относится к его несчастному братишке, без брезгливости, без отвращения, с сестринской заботой — так сможет не всякая женщина, и искренне уважал Марию за эти чувства.

— Ваше величество...

Мария отвечала вежливыми заковыристыми фразами, с трудом (после родов-то!) подбирая слова, но в ее глазах было настоящее тепло, которого так мало получал бедный испанский мальчик. И Карлос улыбался в ответ. А вот Мария-Луиза так и сожрала бы!

Ну и шут с ней, пусть злобится. Главное, чтобы не укусила.

* * *

— Что случилось?

Павел Мельин смотрел на боцмана, отмечая и каменное выражение лица, и злые глаза, и стиснутые губы. Ох, непростое что-то случилось. Но что?

Петр Игреньев сплюнул за борт, избегая попасть на чисто выскобленную палубу, — за такое могли и корабль драить заставить от носа до кормы. Боцман ты там, не боцман...

— Да юнга этот...

— Меншиков? — тут же вспомнил Павел.

— Он, стервец!

— Что натворил этот щенок?

Неприязнь Павла была оправданна. Ну не любят люди «протекционистов». Нигде и ни в какое время!

А Меншиков попал на флагман именно что по протекции. Выгнанный за воровство из царевичевой школы, он, вообще-то, должен был отправиться куда-нибудь на галеру на веки вечные — пусть не гребцом, но юнгой там немногим лучше. Вместо этого царевна Софья лично попросила Павла приглядеть за парнем. Мол, коли исправится — хорошо, ну а если нет — пусть суд ваш будет короток и справедлив, слова не скажу.

Уж чем этот сопляк заинтересовал царевну?

Но Мельин честно приглядывал за мальчишкой и друга приставил. Ну и что? Трех месяцев не прошло...

— Ворует он. У команды крысятничает...

— Не оговор?

— Нет. У Мишки браслет пропал, с боя взятый, уж он убивался. Деньги пропадали, а тут...

Павел кивнул.

Ну да, деньги — дело такое, на них же не напишешь, где чьи. А вот браслет — вещь памятная, трофейная...

Турки последнее время сторожились и старались не задевать русских, но стычки иногда происходили.

И трофеи, конечно, были. Поль у команды по карманам не шарил, справедливо рассудив, что от медяков казна не обеднеет, а матросам приятно будет. Что с боя взято, то свято. Ну и...

Браслет и браслет, что в этом такого? В браслете-то ничего, но в его пропаже!

Петр, не поднимая шума, и принялся обыскивать корабль, рассудив, что посреди моря спрятать уворованное особенно некуда, а умному человеку все тайнички навсегда откроются.

И — нашел в небольшом тайничке. Тот, кто его оборудовал, явно был новичком, не подумав, что свой-то корабль и капитан и боцман до досточки знают. А как иначе? Ты ж ему жизнь доверяешь, хоть в шторм, хоть в бой, — и платить обязан любовью и верностью. Пусть береговые смеются, но для моряка корабль — это как жена, любовь, дом...

Одним словом, боцман проследил за тайничком — и увидел Меншикова. А в тайнике добавилось монет.

Так что делать-то с мерзавцем?

А что тут сделаешь? Снисходительность проявлять — только мерзавцев плодить. А потому Алексашка был выпорот кнутом без всякой жалости и выкинут в лодку. А ту оттолкнули от корабля.

Коли верно, что оно не тонет, — может, и выплывет. Да и не звери моряки, бурдюк с водой и несколько сухарей негодяю оставили.

Скатертью дорога, а на Русь не возвращайся. Кто увидит — ноги выдернет.

* * *

— Чума! Жуан, мне страшно!

— Белла, нам надо уехать.

Иван смотрел серьезно и строго. Принцесса всхлинула, вытерла слезы и посмотрела на почти мужа.

— Куда, Жуан?

— Из города — обязательно. И подальше, пока эпидемия не пройдет.

— Почему же?

— Потому что, если мы тут останемся, шанс заболеть очень велик. Я не хочу рисковать твоей жизнью, ты мне слишком дорога.

— Ты знаешь, отчего болеют чумой?

Педру в этот раз не подслушивал, просто шел к дочери. Но после слов Ивана решил прояснить ситуацию. Чума набирала размах, вспыхивая пожарами по городам и деревням, косила косою людей, заставляя церковников молиться за грешные души, — напрасно! Все было напрасно. Но если на Руси знают, как это обновить...

— Знаю. На Руси то давно известно.

— И отчего же?

Тут уж не вмешаться в разговор молодых было невозможно, но Иван смущаться и не подумал. Личный духовник его величества, отец Фернанду¹, смотрел строго, только Ивана взглядами было не напугать.

— От грязи и крыс, святой отец.

— Вот как? Расскажи подробнее, сын мой.

Иван согласно кивнул, предлагая слушателям устроиться поудобнее. Вино, фрукты...

Педру был весьма и весьма неглуп, поэтому и духовника он себе подобрал соответствующего. Не архиепископа, не кардинала, а просто обычного монаха. Не карьериста, но очень умного и образованного человека. Верующего истово, но с широким кругозором. А такие люди Ване всегда нравились.

Бог есть? Безусловно! И спасибо ему за все! Но главное, что он сделал для человека, — это дал ему жизнь и

¹ Автор не уверен, что это был именно отец Фернанду, но без личного духовника тогда дело не обходилось (*прим. авт.*).

разум. А коли у тебя не хватает ума применить второе, чтобы сберечь первое, — кто ж тебе виноват? Даже родители тебя всю жизнь за ручку не проводят.

А потому Иван и рассказал, как мог.

Чума? Крысы, насекомые, грязь, нечистоты, плохая вода, воздушно-капельный путь передачи заразы в том числе...

Методы борьбы?

Маски, подобные лекарским, — безусловно. Костюм чумного доктора — идея неплохая. Но и остальное должно соответствовать. Не построишь корабль с помощью одного топора, так и тут — от одного метода много пользы не будет, комплекс нужен. Бани, омовения, обязательное кипячение воды, изведение крыс, вшей, блох...

Ваня говорил долго. И когда закончил, удостоился пристального взгляда монаха.

— Так делают на Руси?

— Нам легче. У нас, почитай, каждую зиму морозы, вот болезнь и не выживает. А у вас ей самое раздолье. Не говорю, что выживут все, но если делать, как я рассказал, — число погибших уменьшится.

— М-да. — Педру был задумчив. — Это большие деньги, но... я найду их. А вот вы...

— Отошлете Беллу из города? Я могу остаться, но ее жизнью я рисковать не согласен.

Педру усмехнулся.

— Отошлю. В удаленный замок в горах. А ты, Жуан, оставайся, если хочешь. Думаю, твои советы будут ценны...

Иван поклонился. Конечно, за себя он тоже боялся. Оспа — дело другое, от нее он был привит. А вот чума... Но семи смертям не бывать, а одной не миновать. Белла должна быть в безопасности, а он — мужчина. Он справится.

Педру, глядевший на будущего зятя, одобрительно покачал головой. А ведь молодец парень. Неглуп, нетруслив... м-да. Королевская кровь.

* * *

Контроль — это хорошо. Но вот полноценным его сделать никогда еще не удавалось.

А потому...

«Мой любезный дядюшка!»

Перо летало по бумаге, времени у женщины было очень мало, а написать требовалось так, чтобы было понятно, но не давало точных указаний на адресата или отправителя, буде оно попадет не в те руки.

«Спешу сообщить, что на этот раз двор порадовался дочери Короля морей. А король не может порадовать свою жену тем же сокровищем. Если все продолжится так же, брак их останется бесплоден. Кого же назначит наследником Карлос?»

У небезызвестного Вам князя есть еще и сыновья, и король задумывается... Задумайтесь над этим и Вы.

С молитвой о Вашем здоровье.

Преданная Вам племянница».

Письмо, больше похожее на записочку, сворачивается в тугую трубочку и прячется в рукав. Потом его передадут одной из свитских дам — и оно полетит в la belle France¹, где его и прочтут. И сделают выводы!

А вот последствия...

Пишущая отчетливо осознает, что эти строки могут грозить смертью женщине, которой она недавно желала счастья в связи с рождением дочери. Ну так что же? Почему эта стерва уже извела радость материнства трижды, а она?..

Неважно, это неважно! Какое бы решение ни принял его величество, женщину это не касается. Она просто подсказывает и направляет. Отчитывается. А остальное от нее не зависит!

¹ Прекрасную Францию (прим. авт.).

* * *

— Алеша, поздравляю! Уля, милая, ты чудо! Сын — просто богатырь!

Ульрика ответила улыбкой. Да уж, если бы сейчас ей дали выбор — выходить замуж в Швецию или на Русь, — она бы и минуты не колебалась. И письма, которые она писала брату, были искренне пронизаны счастьем.

Муж, любимый и любящий, замечательные дети, большая семья, в которой никто не держит в кармане нож, в которой приняли ее как родную, нашли ее собственное место, на котором она — именно она! — незаменима, разве этого мало?

Да это безумно много!

— Сонечка, а от вас мы еще детей дождемся?

Софья пожала плечами.

— Как получится.

Не то чтобы она специально избегала зачатия, но после дочери пока не беременела. И не жалела об этом. Дела отнимали столько времени... Они втроем, с Алексеем и Иваном, едва тянули этот неподъемный воз! И не факт, что с течением времени станет легче.

Хорошо хоть Уля умничка, отлично включилась в цепочку и воспитывает всех детей в нужном ключе. В результате Александр, старший сын Алексея, был твердо уверен, что ему надо учиться и учиться, чтобы стать хорошим правителем. У Ангелины проявились незаурядные актерские способности — хитрая лисичка могла очаровать кого угодно.

Софья считала, что это полезно. Выйдет замуж — так особо оценит. Второй сын Алексея, Михаил, чуть ли не с рождения тянулся к кораблям и всему водоплавающему. Вот пройдет царевичеву школу — и добро пожаловать на флот.

Да и ее собственные дети не отставали. Правда, склонностей к войне не было ни у одного, но вот ма-

тематические способности мальчишки унаследовали в полном объеме, уже сейчас решая в уме задачки и перемножая трехзначные числа. Ну и ладненько, будет кому Ваню заменить, когда тот на покой уйдет.

А вот кто заменит ее?

Пока в молодой поросли Софья не видела никого подходящего. Тут нужен особый склад ума, сочетание холодной расчетливости с жестокостью, при этом человек должен применять оба качества без наслаждения, просто по необходимости и математическими способностями. Плюс импровизация...

Но время еще есть.

Может, что-то подобное получится из Ангелины. Или из ее собственной дочери, которая уже сейчас обожает тавлеи, или из этого мальша...

— Как назовете?

— Дмитрием, — пожал плечами Алексей.

Ну, почему бы и не Дмитрием. Хорошее имя, царское. Были уже на Руси такие царевичи...

* * *

— В монастырь? Женский? Банщиком?

Софья не собиралась церемониться с братом. Федор надулся, как крыс на рис.

— Соня, твои шутки неуместны.

— Федя, неуместно твое поведение. Какой монастырь, когда у тебя ребенок? Ты на кого его оставишь?

— На тебя. Соня, милая, ты же понимаешь, что мне жизнь не в радость...

— Да мало ли кому она не куда! Живут же люди, а ты с жиру бесишься!

— Соня...

Протопоп Аввакум вошел в комнату как раз вовремя, помешав сестрице оторвать любезному братику голову. Ну надо же — монастырь! Вместо работы на благо

общества и лично Руси! Мало ли у кого жена умирает?! Так все ж потом живут! И ничего, нормально! Работают, детей растят... А этот — то в алкоголизм, то еще куда. Что за наглость?!

— Сонечка, отпусти его.

Аввакум был неотразимо убедителен. Но не для царевны.

— Нас не так много, чтобы принцами разбрасываться. Дети когда еще в возраст войдут, а Федя уже сейчас помочь может.

— Пусть примет послушание, а там и постриг. Тяжело ему в миру, я же вижу..

— А кому сейчас легко, отче? — Софья топнула ножкой в дорогой туфельке. — Федя хоть звезд с неба и не хватает, а все ж его присутствие в тех или иных местах полезно!

— У него другое призвание..

— У всей царской семьи одно призвание — родине служить. Иного и быть не может.

Софья уперлась бараном, Аввакум настаивал, Федя просил... Одним словом, через два часа обе договаривающиеся стороны пришли к консенсусу. Еще десять лет Федя добросовестно пашет на благо родины и брата. Потом — хоть в монастырь, хоть куда. Сейчас ему тоже никто не мешает готовиться к постригу, но так, чтобы это делу не мешало. Лучше бы, конечно, еще раз жениться и детей нарожать, но тут Софья настаивать не будет. Имеющегося воспитаем, а там — кто знает? Может, еще и передумаешь?

Федор передумывать не собирался, но об этом соби-ралась позаботиться Софья. Надо бы наведаться в школу, есть там такая Марфуша Апраксина. Красавица, аж глаз не отвести. Попала к царевне после смерти отца, семья бедная, в долгах как в шелках, но боярыня ведь, не кошка безродная! В жены царевичу сгодится, ежели что...

Вот и подумаем, как их правильно подвести друг к другу. Девочка хорошая, умненькая, правильная... хватит горевать по почившей китаянке! По ней даже родной брат не горюет, а муж никак в себя прийти не может!

Софья ее, вообще-то, хотела выдать замуж за другого человека, но чего не сделаешь для родного брата?

* * *

Мария кормила дочь. Сыновья играли у окна. Фрейлины были безжалостно выставлены за дверь. Ворчите, не ворчите — мне все равно. Пусть здесь Испания, но я — русская! И попробуйте только мне возразить! Мигом со двора выгоню!

А потому дети проводят много времени при матери, которая учит их говорить, в том числе и по-русски, рассказывает сказки своей родины, поет песни, учит играм...

Дверь скрипнула.

— Дорогой!

Мария улыбнулась супругу. Дон Хуан выглядел уставшим и осунувшимся — и она еще раз подумала, что правильно нарожала детей. Так вот стукнет супруга инфаркт, а у нее наследники останутся. Законные — и единственные из Габсбургов, кто будет иметь права на престол после смерти Карлоса.

— Налить тебе вина?

— Корми ребенка, я сам.

Супруг удобно разместился в кресле, потянулся...

— Куда бы сбежать от этих государственных дел?

— У меня так брат всегда говорит, — улыбнулась Мария, — так ведь все равно не сбежите, потому как это — ваш долг.

— Да, ему надо написать...

Разговор шел своим чередом. Русь, политика, Франция, война с турками, Испания, колонии...

Потом муж ушел к себе, а она осталась. Все равно супружеские отношения им пока не грозили — слишком мало времени прошло после родов.

Дети играли у окна, смеялись, шутили, она уже собиралась спать...

Мария так и не поняла, в какой момент насторожилась. Но... будь она кошкой — у нее бы вся шерсть распушилась и спина выгнулась. Потом уже, вспоминая, она поняла — шаги. Ее насторожили именно шаги. Быстрые, уверенные, ничего общего с тем, как ходят во дворцах. Тем более — на женской половине дворца.

Мария схватила детей, быстро впихнула их в гардеробную, сунула старшему дочку.

— Что бы ни было — не вылезайте, пока я вас не позову. Или отец. Поняли?

Во дворцах взрослеют быстро. Мальчишки кивнули, прячась в платьях матери. Они не выйдут, а она...

«Господи, помоги!»

«Не за себя прошу, но, переступив через мой труп, они пройдут к моим детям...»

«Только после моей смерти!»

За дверью послышался лязг металла... охрана дорого продавала свою жизнь. Мария рысью метнулась по комнате. Когда-то ее учили защищаться тем, что есть под рукой. И умирать, как овца на бойне, она не собиралась. Сверкнул нож, распарывая неудобные юбки, остатки ужина еще не унесли — и слава богу!

Первый вошедший поскользнулся на жирной подливке и умело разложенных фруктах — и достаточно неудачно упал навзничь. Сейчас бы и добить, но...

Шестеро...

Мария трезво оценивала свои шансы. Ей не справиться. Да, один временно выбыл из строя. Она хотя бы выиграет время, потому что ее смерть — это и гибель детей. Но если она протянет время — может прийти помощь. Главное — поднять шум, позвать на помощь. Это

нападающие надеются убить ее и уйти. Она уйти не надеется. Ей — некуда.

За своего ребенка любая женщина кинется зверем. Мария же, загнанная в угол, была вдвойне опасна.

Лица мужчин были закрыты масками, в руках — кинжалы. Это хорошо, значит, им надо подойти поближе, а она должна держать дистанцию. И еще хорошо, что в ее комнате было оружие. Хоть какое-то...

Грохнул пистоль.

Пятеро.

И еще один выстрел. Вот сейчас Мария и оценила подарок сестры. Спасибо тебе, мастер, придумавший многоствольный пистоль! Жаль, что стволов всего четыре, а нападающих шесть. Жаль, что давно не практиковалась, говорила же Соня...

Спасибо тебе, сестрица...

И еще выстрел.

Трое оставшихся бросились вперед — и четвертый выстрел пропал втуне. Мария отбросила пистоль и выхватила саблю. Небольшую, как раз по руке, богато изукрашенную, выглядящую игрушкой. Но это вполне боевое оружие...

В головы нападающим полетел тяжелый серебряный канделябр. Свечи в полете тоже вылетели, сбивая бросок. Все-таки горящая свеча — это всегда неприятно, особенно когда она летит тебе в голову. И второй туда же!

Еще минута выигрыша.

Мария прекрасно понимала, что не справится. Погибнет наверняка. Но пока она жива — к ее детям не подойдет ни одна тварь!

Впрочем, вид принцессы в одном корсете и чулках на миг ошеломил нападающих — и Марии удалось нанести удар. А вот потом удача ее покинула.

Звякнули, сталкиваясь, клинки. Раз, другой... правое плечо пронзила резкая боль, рука повисла плетью.

Мария упала на колени. Звякнула выпущенная из рук сабля.

— Проклинаю!

Сверкнула шпага, но женщина уклонилась.

Рана в плечо чертовски болезненна, но сознания она не лишает. А благородства в женщине отродясь не водилось. Ты слабее мужчины? Ну так и будь слабой! Умоляй, плачь, лишь бы тебя подпустили поближе. А там — вцепляйся врагу в горло хоть зубами, все средства хороши для победы.

Блеснул кинжал, пущенный в полет умелой рукой. Неважно, что левой, она все равно попала, хотя и не туда, куда целилась. Не в живот. В пах. Впрочем, врагу от этого легче не стало. И тут везение нападающих закончилось.

Грянули выстрелы. Мария упала навзничь, понимая, что пуля — дура, а на пороге комнаты возникла ее личная охрана. Девушки от царевны Софьи, в количестве двух штук.

— Государыня? Вы как?

Успели! Помощь — пришла!

— Ранена, — огрызнулась Мария. — Помогите подняться и проверьте, все ли сдохли.

Этим девушки и занялись. Одна подняла Марию и потащила почти волоком на кровать.

— Сейчас перевяжу плечо, а чуть позже обрабатываем.

Вторая прошла по комнате. Добавила одному подобранным клинком в горло, а второму — рукоятью в голову. Допросить сгодится.

— Отличная работа, государыня.

Мария улыбнулась. Приятно все-таки. Она ничего не забыла из полученных уроков. А как ругалась, как возмущалась... зачем это может понадобиться, на нее никто покушаться не будет... Как насмешливо улыбалась тогда сестра.

Как же! Не будут!

Не зарекайся, вот и не будут!

— Мария, ты жива?!

О, а вот и любящий супруг. И тоже весь в крови.

— Да.

Дон Хуан подошел к кровати — и аж переменялся в лице.

— Ты ранена! Боже!

— Все в порядке, девочки окажут мне помощь, — успокоила супруга Мария. — Ты не ранен?

— Нет.

— А меня вот едва не достали. Кстати... дети, вылезайте!

Выгонит она к чертовой матери всех горничных, в гардеробной — хоть брюкву сажай! И где они так перемазаться успели? Зато вылезли целы-невредимы, только грязные по уши.

— Ну и поросята! Отмывать вас...

Хуан заулыбался, понимая, что если супруга шутит, то жить точно будет.

— Кто на нас покушался?

— А вот это нам предстоит узнать. У тебя все мертвы?

— Государыня одного ранила. Может, и не сразу сохнет, в Турции такие годами живут, — вмешалась одна из девушек. Одернуть ее никто и не подумал — форс-мажор.

Король морей оценил рану и уважительно покачал головой.

— Дорогая, напомни мне тебя не сердить.

— Я в живот целилась, просто промахнулась, — обиделась Мария.

Но на душе у нее было спокойно. Она жива, муж жив, дети целы... ну а кто покушался и кто за этим стоит...

Разберемся и ноги переломаем, чтобы стоять было не на чем! А лучше — и некому!

* * *

— Кто посмел?! Какая ...?!

Гнев Алексея был непритворным. И неудивительно. Если бы Мария с детьми сейчас погибли, дело обернулось бы куда как невесело для Руси. Вот считайте. Дону Хуану сейчас пятьдесят пять годочков. Очень почтенный возраст для этого времени-места, недаром Мария так с детьми торопилась. Если сейчас что с ней случается — не факт, что и с благородным доном все будет в порядке. И дети... в чьи руки они попадут? Кто вырастит из них свое подобие? Карлос, который до двадцати лет и читать-то не умел?

Вот спасибо!

— Я выясню.

Софья тоже была зла.

— Выясни. — Алексей сверкал глазами. — И чтобы эта тварь своими кишками подавилась!

— Подавится.

Когда Соня говорила таким тоном, ее начинали бояться даже безмозглые мухи. Потому что она была убийственно серьезна. До убийства. Сегодня Маша, завтра Ваня, послезавтра — кто?!

Нет уж, вы у меня на всю жизнь запомните, европейские, что лучший способ самоубийства — это посягнуть на одного из членов русской царской фамилии. Вас от слова «русские» еще корчить и крючить будет! Вы еще сами с доносами прибегать будете, ежели кто худое на русского замыслит. Потому что каждый живущий на Руси должен знать: за ним стоит *государство*. Его обида — это обида государства. Покусился на русского — получи. С избытком.

Вот она и отсыплет. Надо начинать выработать условный рефлекс у всяких подлецов, надо! Здесь — и сейчас!

— Маша прислала письмо. И приложила копию допроса убийц.

— А скольких удалось допросить?

— Двоих. Одного не добила Мария, второго — ее супруг.

— Больше взять не могли?

— Алешка, окстись! Машка одна оказалась против шести! Хорошо хоть отбилась!

— Да уж мне не надо рассказывать, на что твои девочки способны.

Софья скромно потупилась. А что? Женщина, конечно, пол слабый, но недаром же д'Артаньян от миледи Винтер без штанов сбежал? Когда разозлил хрупкую женщину?¹

И не подумал, что он там герой, гвардеец и прочее, — шкура бы уцелела!

То же самое и здесь. Если умеешь защищаться... Почему чаще всего проигрывает человек, на которого напали? Софья это из опыта двадцать первого века знала. У порядочного человека как стопор — он не может причинить зло другим. А вот у отморозка такого нет. Поэтому своих людей Софья учила бить первыми. Потом грехи отмолим!

Лезет к тебе отморозок — пни его так, чтобы коленную чашечку из титанового сплава заказывал! Ступню шпилькой пробей и скажи, что случайно каблуком наступила! Глаза выдави! Да много чего! А не хлопай ресничками, ожидая, пока тебя изнасилуют или искалечат!

— Алешка, я узнаю — кто...

— Заранее даю добро на самый жесткий ответ.

Софья кивнула. Хотя пока не могла ничего толкового выудить из протоколов допросов. Мало ли что покушались именно эти! Важно, не в чьей руке кинжал, а кто заказал и оплатил. А этого испанец и сам не знал.

Придется отправлять туда кого-нибудь ради дознания (если негодаев еще не сожгут к тому времени), рас-

¹ В платье служанки Кэти (*прим. авт.*).

капывать самые важные документы — банковские, беседовать с людьми...

Но она дознается — кто. И этот кто-то заплачет кровью.

* * *

— Ваше величество, спешу сообщить, что ваша супруга в тягости.

Его величество Карл Одиннадцатый расцвел улыбкой. Стянул с руки дорогое кольцо и протянул лекарю.

— Отличная новость. Просто отличная.

— Наследник появится через семь месяцев, если Бог будет милостив.

— Вы же будете наблюдать королеву, Густав?

— Как прикажет ваше величество.

— Считайте, что я уже приказал.

Осталось обрадовать мать этим известием. Впрочем, Гедвига Элеонора не обрадовалась.

— И пяти лет не прошло! Посмотрим, что она еще выродит!

— Мама!

— Я не доверяю этой английской девке!

— Это моя жена. И она ждет моего ребенка, — чуть надавил голосом Карл.

Гедвига тут же перестроилась и сахарно заулыбалась.

— Разумеется, мальчик мой. И мы все сделаем, чтобы он появился на свет крепким и здоровым! Такая радость! Тем более что у Анны до сей поры только дочки рождались...

— И у Якова — тоже. Хотя с молодой женой...

— Кто бы признал эту безродную девку!

— Мама!

Спору нет, Гедвига была мила, умна и очаровательна, но... если человек ей не нравился, она упорно красила его в самые черные тона. А невестка ей решительно не нравилась.

— Между прочим, у русского царя уже трое!

— И что?

— Если бы ты женился на Ульрике Элеоноре...

— Она бы не нравилась тебе точно так же. — Карл рассмеялся и приобнял мать за плечи. — Мама, милая, я все понимаю. Ты у меня самая лучшая, но иногда...

Гедвига покачала головой. Да, они с сыном отлично понимали друг друга. И потому...

— Русские должны нам за все заплатить!

— Обязаны. Но пока еще рано. Еще года три придется ждать, не меньше.

О, три года Гедвига готова была подождать. Она бы и больше подождала, лишь бы сквитаться с обидчиками.

Русь!

Эта страна становилась для женщины просто символом ненависти. Невеста сына, которая вышла замуж на Русь и сейчас плодовита в браке, немалый кусок территории, союз с Данией... Тут было за что ненавидеть.

И она отомстит! Страшно отомстит! Они вернут себе все утраченное, а русские еще горько пожалеют о своей наглости.

* * *

— В чем дело, Аглая?

Когда государыня Софья говорила таким тоном, девочки искренне старались слиться со стеной. На них не ругались, не повышали голоса, не бранились. Но вот это осознание, что ты не оправдала оказанного тебе доверия... Вот что жгло хуже крапивы!

— Государыня, я виновата...

— Шан уже мертва. Неужели так сложно вытеснить ее из человеческой памяти?

— Да, государыня.

Аглая могла бы сказать многое. И что она, хоть и подхватила Федора на взлете отчаяния, все равно оста-

лась лишь заменой, и что хуже нет — сражаться с памятью умершей, потому что мертвый всегда идеален, и что...

Могла бы.

Не сказала, потому что Софья и сама это понимала. Читала сейчас по ее лицу — и задумчиво перебирала пальцами косу.

— Твой вердикт?

— Отпустите его, государыня. Благочестивый отшельник или монах будет вам более полезен, чем достаточно бездарный управитель на месте.

Софья покачала головой.

— Настолько бездарный?

Ну да, Федя и тяготел больше то к науке, то к религии... вот Ваня, в отличие от брата, весь был в учебе, а Федя... слишком он был отвлечен от мира, чтобы копаться в его делах — и не всегда чистыми руками.

— Ему это просто не дано. Он хороший, но слабый. Вот как проверяющий — может быть, но управлять ему сложно. Он слишком добрый и мягкий для этого.

Ругать девушку не стоило, Софья всегда требовала от своих людей честности. Не нравится — не кушай, но прятать голову в песок и утверждать, что этот человек самый лучший, просто потому, что это — он? Нет уж, не стоит.

— А его сын? Из маленького Юрия получится что-то хорошее?

— Сложно сказать, государыня. Задатки пока неплохие. Он хорошо учится, интересуется всем новым, но возраст мал.

— Подлость в любом возрасте видна.

— Это — нет. Не злой, не подлый. Но вот что выйдет?

— Как воспитывать будем. Спасибо, Глашенька.

Девушка улыбнулась.

— Рада служить, государыня.

— Если Федя уйдет в монастырь, как хочет, тебе нужно будет новое дело.

— Все в вашей власти, государыня.

— Не устала пока? От моей-то работы?

— Бог даст, еще лет пять бы покрутиться, а потом и замуж можно, — лукаво улыбнулась девушка.

— Покрутишься, — задумчиво пообещала Софья. — Работы у нас много.

Аглая бросила взгляд на стол царевны, где лежала и ее докладная записка по Федору. Ну и по Юрию Федоровичу. Что нужно, что не нужно, что любят, к чему тянутся...

— Разрешите идти, государыня?

— Пока — разрешаю...

Познакомить Федора с первой московской красавицей Софья все равно собиралась. Так, на всякий случай. Получится — хорошо. Нет?

Ну... пусть идет Богу служить. Здесь и сейчас — это и неплохо.

1687 год

Шотландия оделась в траур.

Умирал его величество Яков Стюарт. От чего? Якобы от водянки, а уж что там и как точно? Бог знает... Может быть, сказалось бегство из Англии, может, то, что мужчина «жег свою свечу с двух концов», а может, и отравили чем? Правды было не доискаться. Яков умирал, не оставляя законного наследника. Дочери были, а вот сына, которому можно бы оставить трон...¹

В трауре была его супруга, в девичестве леди Винтер, а ныне ее величество Анна Стюарт. В трауре были его дочери — Мария и Анна.

¹ В реальной истории это произошло в 1701 году во Франции, но начиная уже с 1690 года Яков не играл особой роли в жизни Англии. Вильгельм Оранский, которого пригласили на замену, не давал (*прим. авт.*).

Справедливости ради, были и довольные. Например, Джеймс Монмут, которому Яков оставался бельмом на глазу. Протестанты, которым было все равно, кто из них двоих помрет — Яков ли, Джеймс ли, они любому обрадуются.

А вот Шотландия... Шотландии грозил клановый передел. Или — беспредел. Приглашать кого-то со стороны на трон Стюартов шотландцы не хотели. И государство не то, и силы не те, и вообще... Вот если бы кто пришел из потомков Якова, отвоевал Англию, опять соединил ее с Шотландией...

А кто?

Шведам не до того. Датчане? Георг? Тот сам по себе ни на что не способен, разве что брат займется. Но Кристиан вовсе не хотел воевать за чужие интересы. Ему приятнее было отгрызть себе кусочки от английских колоний и богатеть на поставках оружия и продовольствия. Пригласят — придем. А так... Лезть в чужую свару?

Вот еще не хватало.

Анна де Бейль скользнула в спальню к мужу, выставила за дверь доктора, присела рядом на кровать... М-да, как меняются люди. Яков сгорел буквально в полгода от какой-то внутренней хвори. Ничего не мог есть, иссыхал на глазах, не удерживал в себе даже вино...

Но в ответ на нежное пожатие руки муж открыл глаза.

— Энни...

— Я здесь, любовь моя.

Улыбка леди Винтер была очаровательной. Никто бы и не догадался, что под сердцем она носит ребенка, о котором не собирается говорить даже умирающему супругу. Под местными платьями — хоть поросенка пряхь, не то что месячную беременность.

— Я скоро умру.

— Ты поправишься. Обязательно поправишься.

Анна не верила в это, но не говорить же умирающему правду? Ты умрешь, а я уеду. И увезу с собой кровь Стюартов. Куда?

А посмотрим, куда будет выгоднее. Здесь я точно не останусь, здесь у меня нет таких союзников. Меня просто уничтожат, а ребенка воспитают под свой клан. А потому... смотря что прикажет государыня Софья. Франция?

Возможно.

Или Испания, или... Короче, помер бы ты быстрее, муженек, чтобы я сбежать успела.

Она и не сказала. Слушала Якова, который, искренне любя молодую жену, инструктировал ее, куда поехать, на кого можно положиться, на кого нельзя, кто поможет с деньгами, на какие имена и в каких банках открыты для нее счета... Она это уже знала. Но почему бы и не послушать о хорошем?

А вот про ребенка она не скажет. Благо муж с ней давно не спит. Да-да. Именно так.

А кто спит?

Ну, клан Стюартов большой. Подобрать подходящего парня, похожего внешне на короля, оказалось несложно. И бедняга даже толком не понял, с кем встречался. Он-то, наивный горец, думал, что Мэри — служанка. Переспали пару раз, да и уехал себе. Но ей хватило.

Леди Винтер не затевалась бы с ребенком вообще, но царевна прислала письмо. А раз так...

Поиграем.

— Ты поправишься, любовь моя. Я так хочу, чтобы ты выздоровел, хочу от тебя сына...

* * *

— Вот оно как? — недобрая ухмылка озарила лицо Алексея. — Сонь, ты точно уверена?

— Головой отвечаю, — сестра скалила зубы. — Думаешь, легко было найти концы?

— Думаю, что тяжело.

— Потому и искали чуть не два года. Но покушений на свою семью я спускать не собираюсь.

А жена регента Испании была ее сестрой. Этого достаточно.

Да, наконец-то запутанная цепочка размоталась до конца. И оказалось... На одном конце была ее величество испанская королева Мария-Луиза. На другом — будущий Людовик Пятнадцатый, ныне Великий дофин.

Мало кто знал, но еще до замужества Мария-Луиза обожала своего кузена. Да и он тоже был не прочь. До главного у них не дошло, но...

Сказать, что молодая принцесса была недовольна своим замужеством? Это все равно что промолчать! Сплошные ограничения, негодный и большой муж, ни семьи настоящей, ни детей... Она бы вытерпела все! Но рядом оказалась Машка! Красивая, умная, обаятельная, живущая так, как хотелось самой королеве. И зависть разыграла так...

Да за меньшее ненавидят и убивают!

Одна из камеристок Марии-Луизы писала своему дяде, тот пересылал письма племяннику, и уже племянник отдавал их Людовику-младшему. А тот распорядился...

В итоге Мария спать теперь не ложится без пистолета под подушкой, детей от себя не отпускает, хоть покушений больше и не было. Дон Хуан вообще охраной весь дворец заставил. А ларчик просто открывался...

— Что ты хочешь с ним сделать?

— С Людовиком? Убить.

— Людовик-солнце нам этого не спустит.

— Если узнает.

— Соня, это громадный риск.

— Да, я знаю. Ты даешь добро на адекватный ответ?

— Да. Но не рискуй лишний раз.

— Братик, если бы мы узнали и ударили сразу — да, Людовик мог бы заподозрить неладное. Но сейчас, чуть

ли не два года спустя... Я постараюсь сделать так, что подозрение падет на гугенотов.

— Да, еще и эти...

Последние остатки мятежей додавливались Людовиком по всей Франции. Гугенотов было не так много, чтобы доставить королю серьезные неприятности, но несколько относительно спокойных лет у Европы получились. К тому же самые умные успели за это время перевести капиталы и производства за границу, нанеся при этом мощный удар по экономике Франции, а кое-кто и удрал поближе к своим деньгам. На Русь — в том числе. Так что скоро уже должны были открыться первые мануфактуры.

Софья довольно потирала руки. Пусть работают. Проживут здесь поколение, два, кто женится, кто замуж выйдет, дети при монастырях поучатся — и не таких ассимилировали! Приехали гугенотами — станут православными, были французами — обрусуют за милую душу, еще и оскорбляться будут, если их в иноземцы запишут!

— Я справлюсь.

Вот уж в чем Алексей не сомневался. Справится, еще как справится. И все же, все же...

— Если Людовик узнает — это будет война не на жизнь, а на смерть.

— Не узнает.

И Алексей поверил сестре. Пусть никто не узнает, а сто лет спустя его осудят потомки, прочитавшие в архиве о жестоком приказе, но... не оставлять же наглое покушение безнаказанным?

— А жена Карлоса? — для проформы уточнил он, не сомневаясь, что если Софья уничтожит Людовика, то уж подстрекательницу — тем более. Ан нет. Царевна покачала головой.

— Он ее любит.

— И что?

На губах Софьи возникла ехидная улыбка.

— Братец, она *уже* наказана! Куда еще-то?

Алексей подумал о жизни Марии-Луизы — и согласился. Пожалуй, что и верно. Больше — некуда.

— Ладно. Даю добро. Действуй.

Софья чуть улыбнулась. Ни к чему брату знать, что акция уже готовится. Он здесь главный, а она будет просто исполнять его распоряжения. И не будет она подсылать никаких наемников с кинжалами, вот еще! Ядом обойдется!

* * *

Луиза Амалия шла по коридору, умело покачивая бедрами. Личная и любимая фрейлина ее величества королевы Испании пребывала в прекрасном настроении. Молодость, красота, милость королевы и знатный идалго в женихах... Что нужно для счастья? Живи и радуйся. Но вот первого ей сделать и не дали.

От стены отделилась такая же женская тень.

Это в кино человек может увидеть своего убийцу, начать орать, сопротивляться... А в жизни, если операция подготовлена правильно, — так не бывает. Кинжал вонзился Луизе под левую лопатку, безошибочно нашарив сердце. Женщина осела на пол, даже не захрипев. Чисто сработано. Шум? Тревога? Это когда работают непрофессионалы, а из рук царевны таких не выходило. Тем более — в заграничные командировки.

Выдергивать орудие труда убийца не стала. Мило улыбнулась — и отправилась дальше по тому же коридору. Ну кто заподозрит одну фрейлину в убийстве другой? Тем более таком циничном и жестоком убийстве? Это работа для итальянских брави, а не для хрупкой русской дворянки.

А ты не пиши писем... дяде.

* * *

Карл Одиннадцатый довольными глазами смотрел на мать.

— Ну что ж, все готово для наступления.

— Наконец-то! С чего мы начнем?

— С моря, мама. Одержим победу на море — и сможем продолжать на суше.

— Эти наглые русские!

Гедвига шипела не зря. За прошедшее время русские оч-чень неплохо укрепились на всем завоеванном пространстве. Настроили крепостей, завезли оружие, поставили свои гарнизоны, лихо проредили шпионов... Да что там! Эти негодяи даже церкви свои поставили и теперь смущали добропорядочных лютеран и протестантов своей православной схизмой. И ведь соблазнились отдельные нестойкие личности! И было тех личностей куда как больше, чем хотелось бы добрым пасторам.

Отвратительно!

Даже попытки взбунтовать народ ничего не дали. Бунты подавлялись жестоко, быстро и кроваво. Выжившие ссылались куда-то далеко, на север, в какую-то Сибирь¹, которую Гедвига даже не представляла, а на освободившееся место заселялись русские люди. И уж эти-то служили своей короне не за страх, а за совесть. Такими темпами скоро на завоеванных землях и шведов не останется.

Шведам приходилось терпеть и смиряться. Единственное, где они могли поспорить с Русью, — это на море. А с датчанами можно поговорить и на суше. Но кроме этого...

— Яков умирает. Ты не хочешь предложить шотландцам своего второго ребенка?

¹ Конечно, Сибирь не на севере, но откуда это знать шведской королеве? Варварская страна — и все тут (*прим. авт.*).

Первый сын у Карла таки появился. Тоже Карл, только Двенадцатый по порядковому номеру. Слабый и хилый мальчик неотлучно находился при матери, которая по такому поводу даже прекратила грызться со свекровью. Не до старухи, сын бы выжил! И сейчас ее величество Мария Шведская опять была в тягости.

— Пожалуй, что стоит. От той девки он никого не прижил, так что...

— Думаю, ему недолго осталось.

Карл молитвенно возвел глаза к небу.

— Что ж, попробуем. И тогда подождем с наступлением. У Англии хороший флот, нам он окажется не лишним...

Гедвига посмотрела на сына. Ну что еще надо? Красавец, умница, талантливый полководец... чудо! Еще бы внук в него пошел, а не в дуру невестку...

* * *

Людовик Великий дофин... Ну что тут скажешь?

Тень отца. Но в то же время тень достаточно умная и храбрая. Тень образованная, любящая искусство и охоту, отлично проявляющая себя на поле боя. Просто от Людовика Четырнадцатого так сияло, что никто другой не мог с ним сравниться. С супругой дофин особенно счастлив не был, изменяя ей если и не так откровенно, как его отец, то достаточно спокойно.

Виктория Баварская грустила, тосковала, болела и, по мнению многих, была откровенной вяленой рыбой, совершенно не способной удержать супруга.

Что бы они сами делали на месте девушки, злопыхатели не задумывались. Мало того что Людовик ее не любил, так, по разговорам, он искренне, детской любовью, любил свою кузину Марию-Луизу, ставшую нын-

че женой испанского короля. Или был привязан к девушке?

Впрочем, детские воспоминания — они самые крепкие. Так что ничего супруге тут не светило, проживи они вместе хоть двадцать лет. Просто изменять ей бы стали чаще.

Тот день у Людовика ничем не отличался от остальных.

С утра назначена была охота! Одно из тех занятий, которое Людовик искренне любил. Придворные кавалеры и дамы, егеря, собаки, флаги развеваются, рога трубят, кони бьют копытами... Ах, какое это красивое зрелище! Тем более что в лесу ждут несколько волков...

Одного из них Людовик даже добыл собственноручно! Так что вечером Великий дофин был в замечательном и чудесном настроении.

Вечером был бал. Музыка, танцы... Дофин искренне веселился, приглашая то одну, то другую даму. А уж потом отправился в спальню. Кстати — не один. С любовницей, мадам Резен.

Вот ее-то криком и был разбужен двор. Истошным, диким, нечеловеческим. А кому понравится проснуться в одной постели с трупом? Великий дофин утра не увидел, поскольку был безнадежно мертв.

Ах, рано, рано во Франции забыли «дело о ядах», рано похоронили милые традиции родов Медичи и Борджиа. А вот на Руси ими не побрезговали, грех ведь — не перенять полезный опыт. И восточные традиции опять же...

Людовика не травили, Людовика мирно усыпили, чтобы не вздумал проснуться раньше времени и испортить убийце всю обедню. И его метресса тоже спала как сурок, а в двух шагах от нее...

Так казнили Равальяка.

Хотя...

Равальяка казнили постепенно, а Людовика — нет. Его убили одним ударом в сердце, а потом отсеки правую руку, как цареубийце Равальяку. Четвертовать его, правда, не стали, слишком грязно и долго. Да и шумно, кстати. Человека разрубить на части не так просто. Но дофину вспороли живот, вырезали сердце и разрубили оно на четыре части. Как символ.

Вот это метресса и увидела в одной кровати с собой. И орала так, что дворец сбежался. Поддержать и поорать.

Людовик Четырнадцатый был в шоке, но дознаться ничего не мог. И ничего, и никого.

Софья бы с удовольствием устроила дофину какую-нибудь пакость похлеще, вроде несчастного самоубийства шестью кинжалами сразу, с оглашением на всю Францию, но — не стоило. Людовик Четырнадцатый — это вам не абы кто.

Такую пощечину он проглотит, выбора нет. Сам понимает: мальчик его не в куколки заигрался, задумал убить женщину, мать будущего короля, да и, возможно, будущего короля Испании тоже. Вот и получил. Но хоть умер мирно, во сне.

«Король-солнце» рвал, метал, искал, подозревал, но доказать не смог ничего. А в политике без доказательств не кусают. Или кусают не сразу. Так что утерся, получил, кстати, соболезнования из Испании и стал править дальше. Хотя мадам Режан выслали из Парижа и даже из Франции — чтобы глаза безутешному отцу не мозолила.

Горе-то какое! Бедная Франция.

Следующим наследником стал его сын — также Людовик.

Герцог Бургундский¹.

¹ В реальности Людовик Великий дофин не правил ни единого дня, равно как и его сын. Наследником Людовика Четырнадцатого — Людовиком Пятнадцатым — стал его правнук, после того, как половина семьи монарха вымерла от

* * *

Алексей тронул поводья, и послушный конь прибавил шаг.

Выбраться сейчас за город да и пустить его в галоп! Чтобы ветер бил в лицо, чтобы сладко и остро пахло травой, чтобы небо и облака неслись с тобой в одной карусели, стирая все происшедшее.

Бешенство туманило голову, сдавливало клещами грудь, застилало глаза кровавой пеленой, требовало мести и боли. Чужой боли. Крови и смерти тех, кто поднял руку на его сестру.

Пусть и свершилось уже, и кровью заплатили те, кто посмел, и время прошло, а все одно — накатывало. И приступ бешенства стискивал сердце когтистыми чужунными лапами.

Больно...

Памятно, ох как памятно было мужчине его возвращение из шведского похода. И смерть Катеньки, и отчаянные глаза Софьи, которая держалась на людях каменной статуей, а потом рыдала у него на груди, повторяя безостановочно одно и то же «прости, не уберегла, прости...». А он стоял, гладил ее по волосам и понимал, что своими бы руками...

Не просто убивал бы — медленно, мучительно, кнутом забивал до смерти, посыпая раны солью, на кол сажал, огнем жег — и рука бы не дрогнула. Потому что это — святое. Это — его семья. Тот светлый и чистый уголок детства, который есть в душе каждого человека.

У кого-то он исчезает, когда уходят родители, кто-то прощается с ним, когда рождается первый ребенок, но Алексею повезло. Его опорой была Софья, и она всегда

болезней и несчастных случаев еще при жизни «короля-солнца». Сам дофин сильно ничем не прославился, так что и его смерть на исторические процессы вряд ли повлияет (*прим. авт.*).

была рядом. А если бы — ее? Если бы покушение удалось, если бы его встретила та же Катька, воя над телом Сонечки?

Да встретила бы — или нет?

А ведь единственная, кто способен удержать страну, кто не станет интриговать в свою пользу, не пожелает потянуть на себя одеяло, не станет воровать — это его сестра. Именно благодаря ей он до сих пор может воевать сам, может позволить себе не вникать в какие-то дела, может... Может оставаться человеком, а не царем. А случись что с Софьей...

Рядом с ним будут люди, будут сестры, любовницы, только вот свет погаснет, и он останется в темноте. Навсегда в темноте.

— Стой же ты, окаянная!!!

Задумавшись, Алексей и не заметил возок, расписанный красными цветами и диковинными птицами. Лошадь, запряженная в него, оказалась молодой, горячей и бестолковой, чего-то испугалась — и принялась биться, пытаясь встать на дыбы, запутывая упряжку, рядом метался кучер, пытаясь ее успокоить, но лошадь уже вошла в раж.

Что ж, это было ничем не хуже.

Алексей спрыгнул с коня, жестом останавливая охрану, и сильной рукой перехватил поводья.

— Кончай шалить, волчье мясо!

Вот теперь лошадь повиновалась.

И то сказать, государь был на голову повыше кучера, и точно — сильнее. Животное, дрожа, замерло на месте, и Алексей потрепал ее по морде.

— Хорошая девочка, хорошая...

А в следующий миг едва не ослеп. Бывает же в жизни такое... Идешь ты по улице и сто раз по ней проходил, но в этот раз тебе навстречу идет человек — и все, как удар молнии. И ты понимаешь, что ближе и дороже у тебя уже не будет.

Или раскланиваешься с гостями, и тут тебе представляют незнакомца, и вокруг все останавливается. А вы смотрите друг на друга и понимаете, что вы не просто знакомы, вы осколки одной души.

Или...

Да, и так вот бывает. С задурившей лошадьё на дороге и выглянувшей из окошка девушкой.

Незнакомка была хороша, как ангел, какими их представляли художники. Громадные голубые глаза на бледном лице, словно выточенном из лучшего мрамора. Высокий лоб с выбившимися каштановыми прядками, тонкий прямой носик, алые губки, которые так и целовать бы, пока не станут темно-вишневыми, а потом и всю ее зацеловать, тонкая бледная рука, коснувшаяся занавески...

Алексей не мог сказать, что любил жену, но уважал ее, понимал, жалел, привык к ее внешности, только рядом с этой девушкой любая показалась бы уродливой, не то что Уля.

Даже Любава с ее слишком яркими красками.

Любава была эмалью по золоту, девушка — тонким фарфором с чуть намеченным рисунком, потрясающе красивой и утонченной. И она тоже замерла у своего окошка, придерживая занавесь.

Голубые глаза встретились с синими — и молния таки грянула. До боли, до искр в очах. Что бы сделал или сказал государь, он не знал и сам, но вовремя на плечо опустилась тяжелая рука.

— Государь, дозволите помочь?

Дмитрий Рытов, один из выпускников царевичевой школы, понял, что происходит. Этому их тоже учили. И поняв, решил оборвать нити прежде, чем они протянутся накрепко, враспут, оставят по себе неизбежную тоску.

Не стоило бы даже дотрагиваться до государя, никогда б себе Митя такого не позволил, разве что в учеб-

ных поединках, да и заговаривать первым... Столько всего Митя нарушил своим поступком, что хоть сам на Соловки уезжай, но... не след государю такое на людях являть. Сплетни поползут, слухи, а — нельзя. Никак нельзя.

Пусть государь хоть сказнит, а только неправильно это, когда он столбом верстовым застывает среди дороги и смотрит на девицу. Кстати, с точки зрения Дмитрия, не слишком и примечательную. Симпатичненькая, конечно, но не красавица. Так себе, слишком бледная и какая-то... не от мира сего? Словно о чем-то своем думает.

Алексей вздрогнул, словно разбуженный, вздрогнула и девушка, а в следующий миг государь сам отвернулся, хлопнул Дмитрия по плечу.

— Да. Помогите тут, чем надобно. А мы поедем, пожалуйте.

Кавалькада сорвалась с места, а Дмитрий остался у возка, посмотрел еще раз на девушку, которая глядела вслед уезжавшему царю тоскливыми глазами, подумал...

Надо обязательно сказать государыне Софье.

* * *

— Любопытно. Весьма любопытно. И Алексей... заинтересовался?

— Да, царевна.

Уж сколько лет не царевна, а вовсе даже Софья Алексеевна, боярыня Морозова, ан нет! Все одно — царевна и царевна. Умирать, видимо, и то царевной будет.

— Точно не было подстроено?

— Никто не знал, что государю прогуляться захочется.

Софья кивнула, но решила-таки озадачить Ромода-

новского. Так спокойнее будет. А покамест стянула дорогое серебряное зарукавье, протянула Дмитрию.

— Благодарю. Возьми, не побрезгуй.

Дмитрий кивнул, поклонился в благодарность. Это не подачка, нет. Такими вещами жалуют с царского плеча. В семье такое хранится и из поколения в поколение передается, чтобы помнили. Чтобы знали.

— Что там за девушка?

— Марфа Заборовская.

Софья быстро пролистала картотеку в своем разуме — словно десятки файлов перемотались в один момент.

— Апраксина? Красота столицы русской?

— Да, государыня.

— Ах, вот оно что...

Софья прикусила губу.

Видела, видела она эту Марфу. Даже специально интересовалась. И вот беда — попалась эта зараза на глаза Алексею.

Угораздило ее...

Так получается, что сильных мужчин часто тянет к слабым женщинам, чтобы казаться рядом с ними еще сильнее. Или чтобы оберегать, защищать, реализовывать свои инстинкты хищника... Вариантов много, но в том-то и дело, что эта игра хороша до определенного предела.

Тигр может охотиться на антилопу, только вот потом ее надо сожрать, а не создать с ней семью. А если создать, то кто получится в итоге? Какими будут их дети? Рогатыми тиграми? Антилопами с полосками?

В любом случае — несуразная химера. Просто потому, что сильным мужчинам нужны сильные женщины, только от такой можно ждать сильных и умных детей. А не нежные лилии, которых придется оберегать всю

жизнь. Дети-то тоже получатся лилиями. Даже если и тигровыми, зубов у таких цветов не будет. А Марфу Софья помнила.

Милая, нежная, очаровательная... липучка. Феде бы такую, не Алешке!

Будь она другой, Софья дала бы брату развлечься. Покувыркались бы месяца два, потом вышла бы Марфуша замуж да и долой из столицы и из сердца. А такие прикипают, вырастают, привязываются и привязывают. Если с ней так поступить, последствия могут быть самыми непредсказуемыми, вплоть до самоубийства.

Софья еще по той жизни помнила, как влип один ее товарищ. Всякое бывает, переспали. Что ж теперь, жениться? Так эта дура работала в его компании. На заседании совета акционеров она просто подала себе кофе с мышьяком, выпила и заявила: мол, сейчас сдохнет на глазах у любимого, на его руках, чтобы помнить его глаза, чтобы он помнил... ну и прочие подобные глупости. Жаль, не знала, что мышьяк мгновенно не действует. Откачали и устроили по блату в психушку. Но опозорился товарищ на всю Россию!

А здесь куда? В монастырь?

И то, там-то девяностые, никому никакого дела не было до истеричной дуры, но сплетничали несколько лет напропалую. Мужик, наверное, на узел завязал, чтобы второй раз так не попасться, а тут нравы другие! Не то время, чтобы ходить и блудить!

Уля будет переживать по-страшному, шила в мешке не утаишь. Семья трещину даст, команда распадаться начнет, репутация царя будет подорвана. И что останется?

Проблемы, сплошные проблемы...

Надо переговорить с Алексеем, посмотрим, что он скажет.

Софья раздумывала, как начать этот разговор, но не пришлось — брат пришел к ней первым.

— Соня, надо посоветоваться.